

Абрикосовое варенье

16+

Алексей Бородкин

Алексей Бородин
Абрикосовое варенье

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бородкин А. П.

Абрикосовое варенье / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Юлия Абарина (студентка третьего курса медицинского ВУЗа) знакомится с Главным Врагом своей матери (в прошлом, Лучшим Другом). Девушка вступает с мужчиной в отношения и даже склоняет его к сожителству (выражаясь языком полицейских протоколов). Однако в скором времени Юлия решает прервать связь, поскольку... поскольку Нурик... нет, она не разлюбила его, но... сложно поставить диагноз в нескольких словах. Собственно, рассказ о причинах расставания.

Часть 3. Сад

Сажал и обустроивал сад дедушка, посему в нём (в саду) всё было устроено просто и логично. По-мужски. Три ряда абрикосовых дерёв (дедушка любил эти фрукты пуше остальных), рядок груш, столько же слив, яблоки, вишни, тютен... тютен присутствовал в свой черёд (как без него?), однако был посажен отдельно, у околицы, ближе к дороге, так что каждый август круг близлежащего асфальта становился иссиня-чёрным и глянцевым от давленных ягод. Схожий оттенок приобретали рты соседских мальчишек.

Когда абрикосы созревали, они падали в траву. Траву тоже посеял дедушка, и тоже с умыслом: дабы паданки "не плющились", – так он говорил. И прибавлял забористое латинское выражение.

Дед имел примечательную судьбу... уж коли о нём зашла речь, следует проговорить пару слов (постараюсь уложиться в один-два абзаца и не использовать лишних имён). Дед Павел родился в Германии, в городе Баутцен в конце позапрошлого века. Не умер младенцем, подрос, оказался смышлёным сорванцом (против ожидания родственников). Учился в гимназии, потом в Лейпцигском университете на богословском факультете. Почему на богословском? Он жил в семье пастора, существовал на правах иждивенца. Мать Пауля (сестра пастора) умерла во время родов, отец... отец был (по здравому размышлению), не могло его не быть... хотя непорочное зачатие возможно – так уверяют на воскресных проповедях.

Дабы избавить обширное семейство от лишнего (своего) рта, Пауль-Павел отправился на восток, сжимая в кулаке плацкарту. Где именно, когда и чем окончится путешествие, юный мужчина не предполагал.

В те времена Советская Россия охотно принимала трудовых мигрантов, сей факт имел решающее значение в выборе направления.

По всем предпосылкам юный богослов должен был сгинуть в "революционном котле" (и два года он был решительно близок к такому исходу), однако судьба опять ему благоволила. На демонстрации по случаю годовщины Октября, Павел познакомился с Мехлисом, Львом Захаровичем (тот заведовал отделом печати ЦК). Почва для знакомства оказалась самой неожиданной: Павел декламировал стихи на латыни. Уверял, что свободно переводит на вечный язык Маяковского (недавно почившего), кроме того политически грамотно рифмует сам.

Лев Захарыч заинтриговался: чернявый парнишка явно не укладывался в рамки приличий, однако мог быть полезен для нарождающихся традиций. Но как использовать экстраординарное дарование? Вопрос с подвохом.

По итогам Мехлисовских сомнений, схлопотал Павлуша шесть профилактических лет, и отправился далее на восток, в лагерь, валить тайгу.

Мехлиса Павел проклинал (в том числе и на латыни), грозился задушить голыми руками (угрозы слал ночью, из-под одеяла), однако, когда началась война, сообразил, что Мехлис – ангел-спаситель. Его послала Царица небесная. К сорок первому году Павел уже отбыл срок и поселение, однако призыву на военную службу не подлежал. Ещё через год работал на механическом заводе, качественно и быстро точил заготовки для "Катюш", был отмечен директором, стал мастером цеха и даже собирался жениться.

Однако вернёмся к саду и абрикосам: урожай в этом году навалился несносный.

Юлия Абарина деда своего не помнила, он почил ещё до рождения внучки.

Мать (Таисия Павловна) абрикосы не шибко почитала. Название редуцировала до демократического "абрики"; иногда, будучи в приподнятом настроении, напевала детскую песенку:

*Динозабрики, динозабрики,
Может вы попрятались в Африке?*

Михаил Боярский (официальный исполнитель песни) не возражал против такого кощунства, вероятно, не догадываясь об инвазии.

Собранные морельки полагалось колоть. Делать это надлежало не полностью, разрывая плод на две половинки, но лишь чуть-чуть, только чтобы выпала косточка. При таком бережном подходе, во время варки абрикосы не разваливались, сохраняли целостность и лоск... и выюшка оставалось прозрачной (что ценилось особенно).

– Юлька, сгонзай за крышками. Кажется, не хватает...

Таисия Павловна стояла у плиты, медленно перемешивала варенье, которое (вот-вот) должно было закипеть. "Флодоварение" находилось в критической фазе, пена дыбилась шапкою, и её полагалось оперативно ликвидировать.

– Ага, – согласилась дочь и перелистнула страницу.

Юлька... Юлия Францевна Абарина, студентка третьего курса медицинского ВУЗа, вполне сформировавшаяся девица, имеющая густые брови (именуемые в народе собольими), собственное мнение (по любому вопросу) и неиссякаемую энергию... читала в гамаке книгу. Гамак растянули между грушами, и если бы дедушка был жив, то не одобрил бы сего деяния, но... дедушка умер, и некому было защитить кору дерёв. Рядом в кресле дремала бабушка. Старушка отличалась смиренным рассудительным нравом, красотой черт, а также замечательными волосами. Сейчас они утратили цвет и казались облаком вокруг головы. Закатное солнце подсвечивало "ореол" бронзовыми тонами, сопящая старушка мнилась небожителем, случайно опустившимся на грешную поверхность.

"Зажилась на Белом свете", подумала Таисия Павловна (иногда она была жестока) и ещё раз окликнула дочь:

– Цигель! Цигель! Кулак на морду брошу!

Таисия Павловна слыла культурным человеком. Имела высшее образование, выслугу и авторитет у коллег. Всё это не мешало ей быть деспотом в быту. Деспотизм выражался вполне конкретно. Во-первых, Таисия Павловна распрямляла свои дивные выющиеся волосы. Пыталась даже обесцвечивать их, но "воронье крыло" не поддавалось гидропериту. Во-вторых, мать включала "хамский режим" всякий раз, когда необходимо было надавить на ближних. Сподвигнуть их к правильным деяниям и решениям. Оправдывая своё поведение, Таисия Павловна уверяла, что во всяком ином случае "эта халабуда рухнет вдребезги пополам". Надеясь, что и дом, и дача, и ближние тела (те самые, непокорные, имеющие мнение и "облако") держатся на её плечах.

Кроме того, мать обладала феноменальной памятью на цифры. Помнила сколько денег ею получено, сколько потрачено, сколько отложено на чёрный день, сколько отпущено дочери "на помады", а также "на развлечения, полагающиеся по возрасту и умственному развитию". Такое каторжное существование унижало "ребёнка", но ежели Юлька пыталась протестовать, автоматически включался "хамский режим".

– Давай-давай. И лимонную кислоту захвати.

Юлия выбралась из гамака, потянулась. Слышно проговорила:

– Конечно! Сразу нельзя было взять. А то мы по дрова собирались в лесотундру.

– Вот и взяла бы, – огрызнулась мать. – О чём думала? Есть в черепной коробке мозг?

Или содержание заключено в титьках?

Через мгновение, не давая дочери открыть рот, добавила:

– Куда покажешься с фингалом? – намекая, что кулак критически недалёк от морды.

Между дачей и домом пролегали две дороги. Длинная асфальтированная, по которой ходил автобус, и короткая, через лес и просеку, мимо цыганских выселок и тына хлебозавода – поляны, куда выбирались на перекур рабочие. В обеденный перерыв жизнь на изломанных поддонах кипела едва ли не активнее, чем на производстве. Через дыру в заборе рабочие проникали к бочке "пиво", гремя бидончиками и банками, выстраивались в цепочку, как муравьи... со всеми втекающими и вытекающими.

Логичнее было поехать автобусом, однако существовала опасность угодить в "прогал" между рейсами и ждать полчаса. Сверх остального, от остановки необходимо было идти до дома четыре минуты – потраченное в пустую время.

Юлька вывела из сарая велик "Десну", проверила пальцами шину – полный "пэ". (Велосипедом пользовалась мать, следила за состоянием). Вскочила в седло и, навалившись на педаль, гикнула, напоминая бандершу из "Бременских музыкантов".

Юбка развевалась на ветру, словно парашют десантника ситцевой "женской армии".

Часть 4. Нурик

Под шинами скользили сосновые иглы. Воздух драматизировал настроение запахами. Запахи эти волновали и успокаивали одновременно: теплота, чистота, смолистые нотки плюс птичье непокорное пение сплетались в одну парфюмерную композицию. "Коса... это коса до пояса" – лес казался Юльке девушкой, точнее женщиной – она была старше и безгранично мудрее.

Через сорок минут "Десна" причалила к подъезду.

Следует сказать несколько слов о доме, он играет некоторую роль в повествовании.

Дом затеяли строить ещё при Сталине, и по этой причине заложили с размахом, полагающимся жилищу разумных существ: высокие потолки, просторное фойе, лестницы с перилами и витыми балясинами. На фасаде – герб (жители во всякую секунду должны были помнить, где они живут, в какое непростое время и каков смысл их бытия). Потом Отец Всех Вреён и Народов почил, мелкий Хрущёв затеял борьбу с излишествами. Декоративные элементы удалили, усекли два верхних этажа (как главу приговорённого), обузили лестницы и площадки... непонятно для чего, и какая из последнего экономия? Однако удовлетворения инспекторы не ощутили и "обезглавленному труп" отказали в лифтах, под настроением: "решения партийного съезда – в жизнь".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.